

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S241377150017815-9

Показатели смыслов слов, употребленных в тексте

© 2021 г. М. Ю. Федосюк

Доктор филологических наук,
профессор Московского государственного
университета имени М.В. Ломоносова
Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13
m.fedosyuk@yandex.ru

© 2021 г. Чжан Сяо

Аспирант Московского государственного
университета имени М.В. Ломоносова
Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13
894595981@qq.com

Резюме. В статье описываются механизмы, с помощью которых в сознании получателей текстов способны формироваться более или менее полные представления о содержании встретившихся в текстах незнакомых этим получателям слов — так называемых агнонимов. Показано, что лексические значения слов, употребленных в речи, необязательно должны быть известны носителям языка априори или предполагать непременно обращение к толковым словарям. Эти значения могут выводиться в процессе восприятия текстов на основании хранящейся в памяти носителей языка совокупности фрагментов ранее воспринятых ими текстов, или “языкового материала” в терминологии Л.В. Щербы. Сталкиваясь с агнонимами, получатель подсознательно с большей или меньшей степенью полноты расшифровывает содержание каждого из агнонимов, опираясь на целый ряд языковых средств, которые в статье предлагается именовать показателями смыслов слов, употребленных в тексте. В число таких показателей входят частеречная принадлежность слов, их отнесенность к тем или иным лексико-семантическим разрядам, а также некоторые другие морфологические признаки, смысловое содержание синтаксических связей между словами в предложении, значения входящих в состав агнонимов корней и словообразовательных аффиксов и, наконец, содержание микро- и макроконтекста. Аналогичным образом протекает процесс определения лексических значений слов и фразеологизмов при составлении толковых словарей. Анализируя собранные примеры употребления лексических единиц и опираясь на только что перечисленные морфологические, синтаксические, словообразовательные и контекстные показатели смыслов слов, лексикографы формулируют определения их лексических значений.

Ключевые слова: агнонимы, лексические значения, смыслы, языковой материал, морфологические значения, синтаксические связи, словообразовательные значения, микроконтекст, макроконтекст, лексикография.

Для цитирования: Федосюк М.Ю., Чжан Сяо. Показатели смыслов слов, употребленных в тексте // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80. № 6. С. 79–88. DOI: 10.31857/S241377150017815-9

Indicators of Meanings of Unknown Words Used in a Text

© 2021 Mikhail Yu. Fedosyuk

Doct. Sci. (Philol.),
Professor at the M.V. Lomonosov Moscow State University,
1–13, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia
m.fedosyuk@yandex.ru

© 2021 Zhang Xiao

Postgraduate student at the M.V. Lomonosov Moscow State University,
1–13, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia
894595981@qq.com

Abstract. The article describes the mechanisms by which more or less complete ideas about the content of words unknown to the recipients of a text can be formed in their minds. It is shown that the lexical meanings of words used in speech do not necessarily have to be known to the recipients *a priori* or require reference to defining dictionaries. These meanings might be deduced in the process of perceiving texts on the basis of a set of fragments of previously perceived texts stored in the memory of recipients, or “linguistic material” in the terminology of Lev Scherba. When faced with unknown words, the recipient subconsciously deciphers the content of each word with a greater or lesser degree of completeness, relying on a number of linguistic means, which are proposed to be called indicators of the meanings of words used in a text. These indicators include the part-of-speech belonging of words, their attribution to certain lexico-semantic categories, as well as some other morphological features, the content of syntactic bonds between words in a sentence, the meanings of the roots and derivational affixes of the words, and, finally, the micro-context and macro-context. The process of determining the lexical meanings of words and phraseological units in the compilation of defining dictionaries proceeds in a similar way. Analyzing the collected examples of the use of lexical units and relying on the just listed morphological, syntactic, derivational and contextual indicators of the meanings of words used in a text, lexicographers formulate definitions of their lexical meanings.

Key words: unknown words, lexical meanings, contextual meanings, linguistic material, morphological meanings, syntactic bonds, word-formation meanings, micro-context, macro-context, lexicography.

For citation: Fedosyuk, M.Yu., Zhang Xiao. *Pokazateli smyslov slov, upotreblennykh v tekste* [Indicators of Meanings of Unknown Words Used in a Text]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2021, Vol. 80, No. 6, pp. 79–88. (In Russ.) DOI: 10.31857/S241377150017815-9

1. К постановке проблемы

Едва ли требует доказательств тот факт, что, воспринимая устные или письменные тексты даже на родном языке, любой человек нередко сталкивается с агноними — словами и фразеологизмами, содержание которых ему частично или полностью непонятно. Наличие в тексте агнонимов далеко не всегда влечет за собой необходимость обращения получателей текстов к словарям. Дело в том, что во многих случаях смыслы агнонимов могут быть с большей или меньшей степенью полноты поняты и без словарей под влиянием формы этих слов и контекста, в котором они употреблены. Целью настоящей статьи является описание механизмов, при помощи которых в сознании получателей устных или письменных текстов могут формироваться более или менее полные представления о содержании встретившихся им в текстах агнонимов.

Понятие “агноним” было введено в научный оборот А.В. Морковкиной [1]. Позднее А.В. Морковкина и В.В. Морковкин выпустили монографию, посвященную проблемам агнонимии [2]. “Агнонимы [от греч. ἀ — ‘не’, γνώσις — ‘знание’ и ὄνομα, ὄνυμα — ‘имя’], — читаем мы в этой монографии, — это совмещенная единица лексической системы, представляющая собой совокупность лексических и фразеологических единиц родного языка, которые неизвестны, непонятны или малопонятны многим его носителям (ср. *обабок* — ‘подберезовик’, *обвалка* — ‘отделение мяса от костей’, *обезьяний мех* — ‘мех нутрии с выщипанной остью’, *обечайка* — ‘боковая часть музыкального инструмента’, *не обинуясь* — ‘без колебаний’ и т.д. и т.п.)” [2, с. 86]. Признавая высокую ценность введенного в науку понятия “агнонимы”, мы, к сожалению, не можем согласиться с квалификацией агнонимов как единиц лексической системы

языка. Представляется, что точнее было бы квалифицировать агнонимы как единицы лексикона отдельных языковых личностей. Если же считать агнонимы единицами лексической системы, то, с одной стороны, не очень понятно, как определить то количество не знающих данное слово “многих носителей языка”, которое позволит считать это слово агнонимом. А с другой стороны, не может не возникнуть вопрос о том, чем, если не агнонимом для какого-либо одного человека, является, предположим, слово *идиома* в случае его неизвестности именно этому человеку.

В результате своей гносеологической важности термин *агноним* стал активно употребляться в лингвистических исследованиях, однако из-за только что отмеченной недостаточной ясности его содержания разные исследователи понимают этот термин по-разному. В работах Я. Вавжинчика и его соавторов так называемые *словарные агнонимы* выступают как единицы языка. Этот термин используется Я. Вавжинчиком для обозначения слов, “выступающих в предложениях, почерпнутых из речевой практики россиян, но по той или иной причине не попавших в общие толковые или, иногда, и в специальные словари (словари новых слов и значений, словари лексических инноваций, словари заимствований, словари ксенизмов и т.п.)” [3, с. 5]. Однако для большинства лингвистов агнонимы – это все-таки единицы не языка, а либо лексикона языковой личности, либо текстов. Специалисты по психолингвистике ставят эксперименты по восприятию значений агнонимов, для того чтобы изучить организацию языкового сознания человека [4]; [5]; [6]; [7]; [8]. В работах, затрагивающих вопросы культуры речи, агнонимы изучаются как компоненты лексикона языковой личности, способные стать источником коммуникативных неудач [9]; [10]; [11]. Наконец, исследователи процесса речевой коммуникации анализируют функции агнонимов как компонентов текстов, принадлежащих к разным стилям и жанрам [12]; [13]; [14].

Поскольку тематика работ последней из упомянутых групп ближе всего к рассматриваемой в нашей статье проблеме, остановимся на одном из этих исследований немного более подробно. Выделяя среди функций, выполняемых употребленными в тексте агнонимами, поэтическую функцию, Б.Ю. Норман обращается к строчкам популярной в России песни: “Славное море, священный Байкал, / Славный корабль, омулевая бочка, / Эй, баргузин, пошевеливай вал, / Молодцу плыть недалечко...”. «Люди, которые поют эту песню, – пишет ученый, – чаще всего не знают,

кто такой или что такое *баргузин*, про какой *вал* здесь говорится, и плохо понимают, что такое *омулевая бочка*. Есть в песне и другие незнакомые слова. Но, несмотря на это, поющие улавливают общий смысл: ‘человек плывёт по морю’ (или по Байкалу? Или Байкал и есть “море”?), ему нужно доплыть до берега. Данный смысл конструируется на основании знакомых, известных слов – их тут значительно больше. А незнакомые, “неопределеннозначные” лексемы вынуждены так или иначе подстраиваться под формирующуюся общую смысловую картину» [13, с. 10].

Таким образом, несмотря на наличие агнонимов, общий смысл этого и других текстов, которые приводит в своей статье Б.Ю. Норман, адресату в основном понятен. Однако каким образом и из каких компонентов текста выводится этот смысл? Ниже мы попытаемся найти ответ на этот вопрос.

2. О показателях смыслов слов, употребленных в тексте

Механизм восприятия смыслов агнонимов удобно объяснить с опорой на концепцию Л.В. Щербы, который, в отличие от Ф. де Соссюра, противопоставлял не речевую деятельность, язык и речь, а “речевую деятельность”, “языковую систему” и “языковой материал”. При этом под “языковым материалом” Л.В. Щерба понимал “совокупность всего говоримого и понимаемого в определенной конкретной обстановке в ту или другую эпоху жизни данной общественной группы”. На языке лингвистов это “тексты” (которые, к сожалению, обыкновенно бывают лишены вышеупомянутой обстановки); в представлении старого филолога это “литература, рукописи, книги” [15, с. 26]. Как писал Л.В. Щерба, “поскольку мы знаем из опыта, что говорящий совершенно не различает форм слов и сочетаний слов, никогда не слышанных им и употребляемых им впервые, от форм слов и сочетаний слов, им много раз употреблявшихся, постольку мы имеем полное право сказать, что вообще все формы слов и все сочетания слов нормально создаются нами в процессе речи в результате весьма сложной игры сложного речевого механизма человека в условиях конкретной обстановки данного момента” [15, с. 25]. И далее: «<...> все языковые величины, с которыми мы оперируем в словаре и грамматике, будучи концептами, в непосредственном опыте (ни в психологическом, ни в физиологическом) нам вовсе не даны, а могут выводиться нами лишь из процессов говорения и понимания, которые я называю в такой их функции “языковым материалом” (третий аспект языковых явлений)» [15, с. 26].

Если согласиться со всем сказанным, то придется признать, что лексические значения слов необязательно должны быть известны носителям языка априори — они могут выводиться в процессе восприятия текстов из хранящегося в памяти получателей текста “языкового материала”. Как представляется, с только что высказанной мыслью солидарен и Б.М. Гаспаров, который пишет: “<...> основу языкового умения составляют не абстрактные правила, с помощью которых можно было бы создавать различные построения из языкового материала, — но скорее сам этот материал как первичная данность, усваиваемый в конкретной форме и применительно к конкретным условиям употребления. Языковая память говорящего субъекта представляет собой грандиозный конгломерат, накапливаемый и развивающийся в течение всей его жизни. Она включает в себе в полусплавленном, ассоциативно подвижном, текучем состоянии гигантский запас коммуникативно заряженных частиц языковой ткани разного объема, фактуры, разной степени отчетливости и законченности <...>” [16, с. 104].

Между прочим, одним из подтверждений сказанного может служить неумение рядовых носителей языка формулировать лексические значения слов в том виде, в каком эти значения приведены в толковых словарях. К примеру, на вопрос о том, какие значения имеет русское слово *корпус*, любой нефилолог едва ли даст ответ: “Слово *корпус* может означать, во-первых, ‘одно из нескольких зданий, расположенных на общем участке’, во-вторых, ‘основа, остов или оболочка механизмов, приборов, аппаратов’ и, в-третьих, ‘совокупность лиц одного официального положения’”. Скорее, в ответе прозвучат не словарные дефиниции, а словосочетания, извлеченные из индивидуальной памяти носителя языка, например: “Слово *корпус* — это может быть *корпус общежития*, может — *корпус самолета*, а может — *дипломатический корпус*”.

Итак, сталкиваясь в процессе восприятия текста с агнонимами, получатель подсознательно, в той степени, в какой это возможно, расшифровывает содержание каждого из агнонимов, опираясь на целый ряд использованных в тексте языковых средств, которые мы условимся именовать показателями смыслов слов, употребленных в тексте.

Попытаемся охарактеризовать основные типы таких показателей путем анализа известной фразы Л.В. Щербы *Глокая куздра штеко будланула бокра и курдячит бокрёнка*. Поскольку эта фраза не содержит русских корневых морфем, но в то

же время построена по законам русской грамматики, с ее помощью Щерба демонстрировал, что то содержание, которое в ней понятно, представляет собой совокупность грамматических значений [17, с. 321–329] (сделаем оговорку, что в современной лингвистике некоторые из рассмотренных Л.В. Щербой значений нередко считаются не грамматическими, а словообразовательными значениями). Очевидно, что тот смысл рассматриваемой нами фразы, который понятен носителям русского языка, можно сформулировать так: ‘Некий предмет, обладающий каким-то качеством, определенным образом однократно воздействовал на некое живое существо и длительно воздействует на детеныша этого существа’.

Анализируя пример Л.В. Щербы, но уже применительно к нашим задачам, мы можем утверждать следующее: тот факт, что все слова из фразы Л.В. Щербы, за исключением союза *и*, носителям русского языка малопонятны, позволяет нам считать данные слова агнонимами для всех носителей языка. А из того обстоятельства, что форма этих слов и контекст их употребления всё же дают получателям возможность частично воспринимать их смыслы, вытекает, что показателями смыслов агнонимов способны служить грамматические и словообразовательные признаки этих слов, а также контекст. К сказанному необходимо добавить, что при восприятии смысла любого агнонима получатель может выводить этот смысл не только из одного, но и из сочетания одновременно нескольких разных показателей.

Помимо фразы Л.В. Щербы как источник примеров мы будем использовать текст сказки Л. Петрушевской “Пуськи бятые” [18]. Эта сказка, как и целый ряд других сказок писательницы, написана по образцу фразы Л.В. Щербы. С точки зрения задач нашей статьи она выгодно отличается от фразы о глокой куздре тем, что представляет собой не отдельное предложение, а целый текст. Разумеется, ниже речь пойдет лишь об отдельных фрагментах этой сказки: анализ полного ее текста в наши задачи не входит.

Перечислим показатели смыслов агнонимов в порядке, соответствующем той последовательности, в какой они попадают в поле зрения получателя текста.

(1) Прежде всего в поле зрения получателя оказываются морфологические показатели смыслов агнонимов — так мы условимся называть референциальные (в другой терминологии несинтаксические) морфологические значения, т.е. значения словоформ, “отражающие свойства предметов и явлений внеязыковой

действительности”, а не “связь словоформ в составе словосочетаний и предложений” [19, с. 122]; ср. [20, с. 124]. В число морфологических показателей смыслов агнонимов входят частеречная принадлежность слов, их отнесенность к тем или иным лексико-семантическим разрядам, значения числа и иногда рода существительных, время, вид и наклонение глагола и т.п. Так, при восприятии фразы Л.В. Щербы лексема *куздра* вызывает в языковой памяти получателя (или, как сказал бы Л.В. Щерба, в памяти о “языковом материале”) ассоциацию с такими существительными, как *кобра*, *зебра*, *швабра* или *фибра*, и потому воспринимается как обозначение предмета. Словоформа *глокая* ассоциируется со словоформами типа *строгая*, *тихая*, *высокая* или *одинокая* и, следовательно, может быть осмыслена как качественное прилагательное, т.е. как обозначение признака предмета, причем обозначение непосредственное, а не через отношение к другим предметам, как в случае относительных прилагательных. Слово *бокрёнок* вызывает ассоциацию со словами *котёнок*, *козлёнок*, *орлёнок* или *совёнок*. В то же время, имея такую форму винительного падежа, которая совпадает не с именительным, а с родительным падежом, это слово не может быть мысленно поставлено в тот же ряд, что и похожие по структуре слова *маслёнок*, *опёнок* или *бочонок*, а потому осознается не просто как существительное, а как одушевленное существительное, т.е. как обозначение не любого предмета, а только живого существа. На основе сходных мыслительных процедур словоформа *курдючит* воспринимается как глагол несовершенного вида в форме настоящего времени и потому понимается как обозначение действия, совершаемого в момент речи, и т.д.

К сказанному следует добавить, что некоторые из описанных выше содержательных признаков слов из примера Л.В. Щербы продиктованы не только морфологическими показателями, которые мы в данном случае рассматриваем, но еще и синтаксическими показателями, о которых речь пойдет ниже. Так, словоформа *глокая* воспринимается носителями языка как прилагательное не только из-за своего внешнего сходства с другими прилагательными, но еще и потому, что она синтаксически согласована со словом *куздра*. При рассмотрении вне контекста слово *глокая* можно было бы квалифицировать иначе, например, как существительное (ср. *статуя*, *луня*, *студия*, *лилия*) или как деепричастие (ср. *окая*, *чмокая*, *цокая*, *икая*). Аналогичным образом вне контекста словоформу *бокрёнка* можно было бы воспринимать и как существительное в форме

не винительного, а именительного падежа (ср. *се-стрёнка*, *маслёнка*, *печёнка*, *сгущёнка*).

Учитывая сказанное, наиболее “чистыми” примерами морфологических показателей могут служить агнонимы, используемые в заглавиях текстов. Дело в том, что они лишены предшествующего контекста, а последующий контекст в момент восприятия заглавий еще неизвестен читателю. В большинстве случаев, приступая к чтению, получатель способен определить только те компоненты содержания этих названий, которые вытекают из морфологических показателей, хотя позднее, благодаря текстам, которые следуют после названий, смыслы названий-агнонимов в сознании получателей уточняются.

Рассмотрим в качестве примера название сказки Л. Петрушевской “Пуськи бятые”. Прочитав это название, но еще не обратившись к полному тексту сказки, читатель может определить, что данное название по своей структуре аналогично словосочетаниям *вилки мытые* или, скажем, *карты битые* и потому, вероятно, обозначает несколько предметов, обладающих неким признаком, обусловленным произведенным над ними действием. Уместно вспомнить также агнонимические названия таких литературных произведений, как роман Т. Толстой “Кысь” или рассказы В. Пелевина “Мардонги” и “Ухряб” — их морфологические признаки свидетельствуют о том, что все эти названия обозначают предметы.

(2) Далее в поле зрения получателя текста попадают синтаксические показатели смыслов агнонимов. К их числу следует отнести реляционные (в другой терминологии синтаксические) морфологические значения, т.е. значения словоформ, “указывающие на связь словоформ в составе словосочетаний и предложений” [19, с. 122]; ср. [20, с. 124]. Это такие, например, значения, как род, число и падеж прилагательных, служащие показателем синтаксической связи “согласование”, или падеж существительного, указывающий на связь “управление”. Выше уже говорилось, что восприятие словоформы *глокая* как прилагательного в форме женского рода, единственного числа и именительного падежа заставляет интерпретировать эту словоформу как согласованное определение при слове *куздра* и потому воспринимать как обозначение какого-то признака. Было сказано и о том, что восприятие словоформы *бокрёнка* как формы единственного числа и винительного падежа существительного вызывает предположение, что слово *бокрёнок* принадлежит к числу одушевленных существительных и, следовательно, скорее всего, обозначает

живое существо. К этому можно добавить, что контактное расположение слов *штеко* и *будланула* служит синтаксическим показателем того, что слово *штеко*, по-видимому, является наречием, т.е. обозначает признак действия.

Что касается сказки “Пуськи бятые”, то она начинается со слов: “Сяпала Калуша с калушатами по напушке и увазила Бутявку, и волит: / — Калушата, калушаточки, Бутявка!”¹. К числу синтаксических показателей смыслов агнонимов здесь можно отнести словосочетание *сяпала по напушке*, построенное на основе связи “управление” между глаголом *сяпала* и предложно-падежной формой существительного *по напушке*. Языковая память подсказывает носителю русского языка, что сочетание предлога *по* с дательным падежом существительного достаточно часто обозначает место движения по какой-либо поверхности (*Ехать по улице. По лицу струится пот*), что позволяет увидеть в слове *сяпала* смысл ‘передвигалась’.

(3) Затем получатель текста, скорее всего, обратит внимание на словообразовательные показатели смыслов агнонимов. Так мы будем именовать значения входящих в состав агнонимов корней и словообразовательных аффиксов. Очевидно, что содержание этих морфем, формирующее внутреннюю форму слова, может нести информацию об отдельных компонентах смыслов агнонимов. Примером словообразовательных показателей смыслов слов в примере Л.В. Щербы может служить суффикс *-ну-* в словоформе *будланула*. То обстоятельство, что данный агноним вызывает в языковой памяти получателя ассоциацию с понятными ему словоформами с суффиксом *-ну-* (*махнула, толкнула, хлебнула* и др.), дает основание считать, что глагол *будланула* обозначает завершённое однократное действие в прошлом. Другим примером может служить суффикс *-ёнк-* в словоформе *бокрёнка*. Агноним *бокрёнок*, как уже было отмечено по другому поводу, ассоциируется со словами типа *котёнок, козлёнок, орлёнок*, что позволяет предположить, что *бокрёнок* — это ‘детеныш бокра’.

В примере из сказки Петрушевской примерами словообразовательных показателей смыслов слов могут служить словоформы *увазила, калушата* и *калушаточки*. То обстоятельство, что многие глаголы с приставкой *у-* означают ‘совершить (довести до результата) действие, названное мотивирующим глаголом’ [21, с. 372], обуславливает восприятие словоформы *увазила* как обозначения

действия, завершённого в прошлом. Наличие суффикса *-ат-* в словоформах *калушата* и *калушаточки* позволяет воспринимать эти слова как обозначение детенышей Калуши, а использование суффикса *-очк-* в словоформе *калушаточки* позволяет увидеть в этом слове уменьшительно-ласкательное значение.

(4) Далее получатель сталкивается с контекстными показателями смыслов агнонимов. Напомним, что под контекстом обычно понимается то окружение какой-либо языковой единицы, которое проливает свет на ее семантику. Вслед за Г.В. Колшанским мы будем различать микро- и макроконтэксты. Микроконтэксты — это контэксты, ограниченные рамками предложений, в них все компоненты связаны в основном грамматически. Что же касается макроконтэкстов, то они представляют собой контэксты, выходящие за пределы предложений и связанные с рассматриваемой языковой единицей семантически [22, с. 45]. Заметим, что при всем удобстве предлагаемого разграничения четкую границу между микро- и макроконтэкстами удастся провести не всегда. Это обусловлено тем, что часто одна и та же информация может быть передана несколькими разными синтаксическими способами, например, при помощи простого предложения и при помощи простого предложения и его парцеллята, при помощи сложносочиненного предложения и посредством сочетания из двух самостоятельных предложений.

(4.1) Для того чтобы проиллюстрировать механизм действия микроконтэкстных показателей, снова рассмотрим первое предложение из сказки Петрушевской “Пуськи бятые”: “Сяпала Калуша с калушатами по напушке и увазила Бутявку, и волит: / — Калушата, калушаточки, Бутявка!”.

Наличие при глаголе *волит* конструкции прямой речи дает основания для восприятия этого слова как обозначения не просто действия, а именно процесса сообщения о чем-то. Однако если *волить* — это что-то вроде ‘говорить, кричать, сообщать’, то, по-видимому, данный глагол обозначает процесс сообщения о результате упомянутого в предшествующем микроконтэксте действия. Но тогда смысл словосочетания *увазила Бутявку* с большой вероятностью следует воспринимать уже не просто как ‘действие, непосредственно направленное на предмет’, а как ‘результат восприятия некоего предмета’.

(4.2) В качестве примера макроконтэкстных показателей смыслов агнонимов рассмотрим другой фрагмент из сказки Петрушевской:

¹ Здесь и в последующих примерах из текстов знак / обозначает абзацный отступ.

“Калушата присяпали и Бутявку стрямкали. / И подудонились. / А Калуша волит: / – Оее! Оее! Бутявка-то некузявая! / Калушата Бутявку вычучили”.

Вне последующего макроконтраста словосочетание *Бутявку стрямкали* может быть понято как ‘действие, направленное непосредственно на предмет’ (ср. *бутявку заметили / подобрали / выбросили / раздавили* и т.п.). Однако в последующем контексте речь идет о том, что после упомянутого действия калушата *подудонились*. Благодаря словообразовательным показателям глагол *подудонились* ассоциируется с такими возвратными глаголами совершенного вида, как *удивились, испачкались, обожглись, отравились*, поэтому данный глагол воспринимается как обозначение состояния калушат, наступившее в результате того, что Бутявка была ими стрямкана. А информацию о том, в чем именно состояло это состояние, несет уже дальнейший макроконтраст: *Калушата Бутявку вычучили*. Глагол *вычучили* ассоциируется с такими глаголами со значением удаления, как *выбросили, выкинули* или *выплюнули*. Но тогда становится понятным, что словосочетание *Калушата подудонились* обозначает не просто состояние калушат, наступившее после того, как они *стрямкали Бутявку*, а такое состояние, которое нанесло им вред.

Как видим, опора на морфологические, синтаксические и контекстные показатели смыслов агнонимов помогает получателям в той или иной степени приблизиться к пониманию их содержания. Разумеется, такое приближение происходит не только при чтении экспериментальных текстов типа фразы Л.В. Щербы, но и при восприятии различных текстов, которые содержат архаизмы, историзмы, диалектизмы, жаргонизмы, окказионизмы или неологизмы.

3. Показатели смыслов слов, употребленных в тексте, и проблемы лексикографии

Представляется, что наблюдения над показателями смыслов слов, употребленных в текстах, представляют интерес не только для анализа содержания агнонимов, но и для общей теории лексикографии. Если руководствоваться концепцией Л.В. Щербы, то определение языковых значений любых слов должно базироваться на анализе оптимального количества примеров употребления этих слов или, иными словами, на анализе достаточного по объему “языкового материала”. Как писал Л.В. Щерба, “значения слов эмпирически выводятся из языкового материала <...> Но в живых языках этот материал может быть множим без конца, и в идеале значения определяются

с абсолютной достоверностью; в мертвых же языках он ограничен наличной традицией” [15, с. 286]. А вот другая цитата: “Все сказанное целиком объясняет практическое требование к составителям словарей: не мудрствуй лукаво, а давай как можно больше разнообразных примеров” [15, с. 285].

Итак, формулируя лексическое значение какого-либо слова, лексикограф должен располагать достаточным количеством разнообразных примеров его употребления и, абстрагируясь от тех частных речевых смыслов, которые данное слово выражает в каждом отдельном примере, выводить инвариантные языковые значения рассматриваемого слова. Очевидно при этом, что опорой для объективного определения речевых смыслов и могут служить перечисленные в предыдущем разделе показатели смыслов слов, употребленных в текстах.

Представляется, что при определении лексических значений слов лингвист может столкнуться с двумя основными проблемами. Первая из них — это недостаток языкового материала, а вторая, как это ни странно, его избыток.

Иллюстрируя первую из упомянутых проблем, сопоставим толкования слова *облучок* в словаре В.И. Даля и в словаре Д.Н. Ушакова:

ОБЛУКЪ, ОБЛУЧЁКЪ. Грядки на телегахъ, повозкахъ и саняхъ, боковой край ящика, кузова. *Сидеть на облукъ, на облучкъ*, бокомъ, свѣсивъ ноги [23, т. 2, с. 597].

ОБЛУЧОК. То же, что козлы в 1 знач. *Ямщик сидит на облучке* [24, т. 2, стлб. 661]. Слово *козлы* в 1 значении в словаре Ушакова, в свою очередь, истолковано как ‘Передок экипажа, на к-ром сидит кучер’ [24, т. 1, стлб. 1394].

Зададимся вопросом: что же такое *облучок* — ‘боковой край кузова телег, повозок и саней’, как об этом сказано в словаре Даля, или ‘козлы, на которых сидит кучер’, что вытекает из толкований словаря Д.Н. Ушакова? Представляется естественным отдать предпочтение дефиниции В.И. Даля, поскольку языковой материал, на основе которого он составлял свой словарь, включал не только письменные тексты, но еще и память о живых употреблениях слова *облучок* в современной Даля устной речи. В XX в., когда велась работа над словарем Д.Н. Ушакова, слово *облучок* стало историзмом, и в том языковом материале, который использовал коллектив составителей этого словаря, по-видимому, не встретилось таких текстов, которые бы свидетельствовали о несовпадении значений слов *облучок* и *козлы*. Критикуя толкование Д.Н. Ушакова, В.Я. Дерягин, а позднее И.Г. Добродомов и И.А. Пильшиков проанализировали дополнительный языковой материал

и убедительно доказали неточность толкования Д.Н. Ушакова [25]; [26, с. 125–132]. Добавим, что начиная с 1989 г. все переиздания толкового словаря С.И. Ожегова (с 1992 г. это словарь С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой) содержат уточненное по сравнению со словарем Д.Н. Ушакова толкование слова *облучок*: “Толстая деревянная скрепа, идущая по краям телеги, повозки или огибающая верхнюю часть саней” [27, с. 422].

Переходя к вопросу о нежелательной избыточности языкового материала, напомним, что Л.В. Щерба призывал лексикографов не использовать в толкованиях слов специальной энциклопедической информации, которая не соответствует знаниям рядовых носителей языка. Он писал: “В ботанике разные растения определяются по установленной системе (то же относится и к зоологии, и к минералогии, и к другим отделам природы). В быту, а следовательно — и в литературном языке они определяются совершенно иначе, и зачастую очень трудно отыскать те признаки, которые заставляют нас узнать то или другое растение. Я не говорю уже о тех случаях, когда про тот или другой предмет приходится говорить, что это ‘род кустарника’ или что это ‘один из видов небольших лесных птиц’ и т.п. Во всяком случае нужно помнить, что нет никаких оснований навязывать общему языку понятия, которые ему вовсе не свойственны и которые — главное и решающее — не являются какими-либо факторами в процессе речевого общения” [15, с. 280–281].

Очевидно, что случаи навязывания лексическим значениям слов чуждых им признаков бывают обусловлены главным образом использованием в качестве языкового материала дефиниций научных понятий, почерпнутых из энциклопедий и справочников, т.е. излишнего языкового материала, которого нет в памяти рядовых носителей языка. Несмотря на то что только что процитированная рекомендация Л.В. Щербы была высказана им еще в 1940 году, толковые словари середины XX века далеко не всегда ей следовали. Вот, например, как были сформулированы определения слов *яблоня*, *груша* и *айва* в Малом академическом словаре:

ЯБЛОНЯ <...> Плодовое дерево сем. розоцветных [28, т. 4, с. 777].

ГРУША <...> 1. Плодовое дерево сем. розоцветных [28, т. 1, с. 353].

АЙВА <...> 1. Южное плодовое дерево сем. розоцветных [28, т. 1, с. 27].

В словарях русского языка более поздних лет издания только что перечисленные слова получают более информативные толкования, хотя бесполезное для

большинства носителей языка упоминание термина *семейство розоцветных* в них почему-то сохранено, ср.:

ЯБЛОНЯ <...> Фруктовое дерево сем. розоцветных с шаровидными сладкими или кисло-сладкими плодами [27, с. 903].

ГРУША <...> 1. Фруктовое дерево сем. розоцветных с округлыми удлинёнными и расширяющимися книзу плодами, а также плод этого дерева [27, с. 144].

АЙВА <...> Южное дерево сем. розоцветных с твёрдыми ароматными плодами, похожими по форме на яблоко или грушу, а также плод его [27, с. 17–18].

4. Заключение

Подведем итоги. Как мы попытались показать, воспринимая смыслы слов и фразеологизмов, употребленных в тексте, получатель опирается не на свою память о языковых значениях этих единиц, а на “языковой материал” — этим термином Л.В. Щерба обозначал хранящийся в памяти носителей языка большой массив ранее услышанных или произнесенных ими фрагментов речи. Опора на “языковой материал” во многих случаях позволяет получателям текстов без обращения к толковым словарям с большей или меньшей степенью детальности приходиться к выводам о содержании незнакомых им слов и фразеологизмов — так называемых агнонимов. Сталкиваясь с агнонимами, получатель подсознательно, в той степени, в какой это возможно, расшифровывает содержание каждого из них, опираясь на целый ряд использованных в тексте языковых средств — так называемых показателей смыслов слов. Среди показателей смыслов слов представляется целесообразным различать морфологические, синтаксические, словообразовательные, микро- и макроконтесные показатели.

Аналогичным образом на основании анализа языкового материала происходит определение лексических значений языковых единиц и при составлении толковых словарей. Понимание механизма выведения смыслов слов, употребленных в тексте, представляется важным не только в чисто теоретическом аспекте, но и для практики преподавания родного и иностранных языков, а также для совершенствования навыков продукции и рецепции речи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Морковкина А.В. Русские агнонимы в теоретическом и прикладном рассмотрении: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1993.
2. Морковкин В.В., Морковкина А.В. Русские агнонимы: (слова, которые мы не знаем). М., 1997.
3. Словарные агнонимы русского языка / Под ред. Я. Вавжинчика. Вып. 1. Warszawa, 2007.

4. Гончарова Е.А. Динамические процессы в лексиконе языковой личности: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2009.
5. Зайцева Е.А. Степени освоенности слов носителями языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2005.
6. Сазонова Т.Ю. Психолингвистическое исследование процессов идентификации слова: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1993.
7. Ткаченко Н.М. Исследование стратегий идентификации значения псевдослова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2007.
8. Тогоева С.И. Психолингвистические проблемы неологии: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Воронеж, 2000.
9. Мандрикова Г.М. Русская лексическая система в теоретическом и прикладном рассмотрении: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2011.
10. Черняк В.Д. Агномимы в лексиконе языковой личности как источник коммуникативных неудач // Русский язык сегодня. Вып. 2. М.: Азбуковник, 2003. С. 295–304.
11. Черняк В.Д. “Зоны риска” в лексиконе языковой личности: К основаниям коммуникативных неудач // Вестник Томского государственного педагогического университета. Сер. Гуманитарные науки (филология). 2005. Вып. 3 (47). С. 96–100.
12. Норман Б.Ю. Значение слова и смысл предложения: Семантический компромисс в ходе восприятия текста // Wyraz i zdanie w językach słowiańskich 4: Opis, konfrontacja, przekład / Pod red. I. Łuczaków i J. Sokołowskiego. Wrocław, 2004. S. 203–209.
13. Норман Б.Ю. Коммуникация без понимания // Уральский филологический вестник. Сер. Язык. Система. Личность. Лингвистика креатива. 2014. № 1. С. 4–14.
14. Чо Джейси. Состав и функционирование неологизмов в языке газеты: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2004.
15. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность / Под ред. Л.Р. Зиндера и М.И. Матусевич. Л.: Наука, 1974.
16. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ: Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996.
17. Успенский Л.В. Слово о словах. Ты и твоё имя. Л.: Лениздат, 1962.
18. Петрушевская Л.С. Дикие животные сказки. Морские помойные рассказы. Пуськи бятые. СПб.: Амфора, 2008.
19. Лопатин В.В. Грамматическое значение // Русский язык: Энциклопедия / Под общ. ред. А.М. Молдована. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2020.
20. Плунгян В.А. Общая морфология: Введение в проблематику. М.: ЛЕНАНД, 2016.
21. Русская грамматика / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. Т. 1. М.: Наука, 1980.
22. Колшанский Г.В. Контекстная семантика. М.: Наука, 1980.
23. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. В 4-х т. М.: Русский язык, 1978–1980.
24. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. В 4-х т. М.: Советская энциклопедия, 1935–1940.
25. Дерягин В.Я. “Облучок” и “козлы” // Лексикографический сборник. Вып. 5 / Гл. ред. С.Г. Бархударов. М.: Госиздат иностранных и национальных словарей, 1962. С. 173–174.
26. Добродомов И.Г., Пильщиков И.А. Лексика и фразеология “Евгения Онегина”: Герменевтические очерки. М.: Языки славянских культур, 2008.
27. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: АЗЪ, 1995.
28. Словарь русского языка / Под ред. А.П. Евгеньевой. В 4-х т. М.: Русский язык, 1981–1984.

REFERENCES

1. Morkovkina, A.V. *Russkie agnonimy v teoreticheskom i prikladnom rassmotrenii: Avto-ref. dis. kand. filol. nauk* [Russian Agnonyms in Theoretical and Applied Consideration. Abstract of Ph.D. Thesis in Philology]. Moscow, 1993. (In Russ.)
2. Morkovkin, V.V., Morkovkina, A.V. *Russkie agnonimy: (slova, kotorye my ne znam)* [Russian Agnonyms: (Words that We do not Know)]. Moscow, 1997. (In Russ.)
3. *Slovarnye agnonimy russkogo jazyka* [Dictionary Agnonyms of the Russian Language]. Wawrzyńczyk, J. (Ed.). Issue 1. Warszawa, 2007. (In Russ.)
4. Goncharova, E.A. *Dinamicheskie processy v leksikone jazykovej lichnosti* [Dynamic Processes in the Vocabulary of a Linguistic Personality. Abstract of Ph.D. Thesis in Philology]. Novosibirsk, 2009. (In Russ.)
5. Zajceva, E.A. *Stepeni osvoennosti slov nositeljami jazyka* [Degrees of Word Acquisition by Native Speakers. Abstract of Ph.D. Thesis in Philology]. Tver, 2005. (In Russ.)
6. Sazonova, T.Ju. *Psiholingvisticheskoe issledovanie processov identifikacii slova* [Psycholinguistic Study of Word Identification Processes. Abstract of Ph.D. Thesis in Philology]. Moscow, 1993. (In Russ.)
7. Tkachenko, N.M. *Issledovanie strategij identifikacii znachenija psevdoslova* [Investigation of Strategies for Identifying the Meaning of a Pseudoword. Ph.D. Thesis in Philology]. Izhevsk, 2007. (In Russ.)

8. Togoëva, S.I. *Psicholingvističeskie problemy neologii* [Psycholinguistic Problems of Neology. Abstract of Ph.D. Thesis in Philology]. Voronezh, 2000. (In Russ.)
9. Mandrikova, G.M. *Russkaja leksičeskaja sistema v teoreticheskom i prikladnom rassmotrenii* [Russian Lexical System in Theoretical and Applied Consideration. Abstract of Ph.D. Thesis in Philology]. Moscow, 2011. (In Russ.)
10. Chernyak, V.D. *Agnonimy v leksikone jazykovoj lichnosti kak istočnik komunikativnyh neudach* [Agnonyms in the Lexicon of a Linguistic Personality as a Source of Communicative Failures] *Russkij jazyk segodnja* [Russian language today]. Issue 2. Moscow, Azbukovnik Publ., 2003, pp. 295–304. (In Russ.)
11. Chernyak, V.D. *“Zony riska” v leksikone jazykovoj lichnosti: K osnovanijam komunikativnyh neudach* [“Risk Areas” in the Lexicon of a Linguistic Personality: Towards the Basis of Communication Failures] *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki (filologija)* [Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University. Ser.: Humanities (philology)], 2005, Issue 3 (47), pp. 96–100. (In Russ.)
12. Norman, B.Ju. *Znachenie slova i smysl predloženija: Semantičeskij kompromiss v hode vosprijatija teksta* [Meaning of a Word and the Meaning of a Sentence: Semantic Compromise in the Course of Perceiving a Text]. *Wyraz i zdanie w językach słowiańskich 4: Opis, konfrontacja, przekład*. Łuczaków, I., Sokołowski, J. (Ed.). Wrocław, 2004, pp. 203–209. (In Russ.)
13. Norman, B.Ju. *Kommunikacija bez ponimania* [Communication Without Understanding]. *Uralskij filologičeskij vestnik. Serija: Jazyk. Sistema. Lichnost’. Lingvistika kreativa* [Ural Philological Bulletin. Series: Language. System. Personality. Linguistics of Creativity]. 2014. No. 1, pp. 4–14. (In Russ.)
14. Cho, Jacee. *Sostav i funkcionirovanie neologizmov v jazyke gazety* [Composition and Functioning of Neologisms in the Language of a Newspaper. Abstract of Ph. D. Thesis in Philology]. Moscow, 2004. (In Russ.)
15. Scherba, L.V. *Jazykovaja sistema i rečevaja dejatel’nost’* [The Language System and Speech Activity]. Zinder, L.R., Matusevich, M.I. (Eds.). Leningrad, Nauka Publ., 1974. (In Russ.)
16. Gasparov, B.M. *Jazyk, pamjat, obraz: Lingvistika jazykovogo sushhestvovanija* [Language, Memory, Image: Linguistics of Linguistic Existence]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 1996. (In Russ.)
17. Uspensky, L.V. *Slovo o slovah. Ty i tvoe imja* [A Word about Words. You and Your Name]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1962. (In Russ.)
18. Petrushevskaya, L.S. *Dikie životnye skazki. Morskie pomojnye rassказы. Pusjki bjatye* [Wild Animal Tales. Sea Garbage Stories. Pus’ki bjatyel]. Sankt-Peterburg, Amfora Publ., 2008. (In Russ.)
19. Lopatin, V.V. *Grammatičeskoe znachenie* [Grammatical Meaning]. *Russkij jazyk: Enciklopedija* [Russian Language. Encyclopedia]. Moldovan, A.M. (Gen. Ed.). AST-PRESS ShKOLA Publ., 2020. (In Russ.)
20. Plungyan, V.A. *Obshhaja morfologija: Vvedenie v problematiku* [General Morphology: An Introduction to Problems]. Moscow, LENAND Publ., 2016. (In Russ.)
21. *Russkaja grammatika* [Russian Grammar]. Shvedova, N.Ju. (Gen. Ed.). Vol. 1. Moscow, Nauka Publ., 1980. (In Russ.)
22. Kolshansky, G.V. *Kontekstnaja semantika* [Contextual Semantics]. Moscow, Nauka Publ., 1980. (In Russ.)
23. Dahl, V.I. *Tolkovyj slovar živogo velikoruskogo jazyka Vladimira Dalja*. [Defining Dictionary of the Living Great Russian Language by Vladimir Dahl]. In 4 Vols. Moscow, Russkij jazyk Publ., 1978–1980. (In Russ.)
24. *Tolkovyj slovar russkogo jazyka* [Defining Dictionary of the Russian Language]. Ushakov, D.N. (Gen. Ed.). In 4 Vols. Moscow, Sovetskaja enciklopedija (Publ.), 1935–1940. (In Russ.)
25. Deryagin, V.Ja. *“Obluchok” i “kozly”* [“Obluchok” and “kozly”]. *Leksikografičeskij sbornik* [Lexicographic collection]. Issue 5. Barhudarov, S.G. (Ed.). Moscow, Gosizdat inostrannyh i nacionalnyh slovarej Publ., 1962, pp. 173–174. (In Russ.)
26. Dobrodomov, I.G., Pilshhikov, I.A. *Leksika i frazeologija “Evgenija Onegina”* *Germenevitičeskie očerki*. [Vocabulary and Phraseology of “Eugene Onegin”. Hermeneutical Sketches]. Moscow, Jazyki slavjanskih kultur Publ., 2008. (In Russ.)
27. Ozhegov, S.I., Shvedova, N.Ju. *Tolkovyj slovar russkogo jazyka* [Defining Dictionary of the Russian Language]. Moscow, M.: AZ Publ, 1995. (In Russ.)
28. *Slovar russkogo jazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Evgenjeva, A.P. (Gen. Ed.). In 4 Vols. Moscow, Russkij jazyk Publ., 1981–1984. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 17 октября 2021 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 27 октября 2021 г.

Статья принята к публикации: 30 октября 2021 г.

Дата публикации: 31 декабря 2021 г.

Received by Editor on October 17, 2021

Revised on October 27, 2021

Accepted on October 30, 2021

Date of publication: December 31, 2021